

Всесоюзная библиотека
№ 63
XX II

КРАСНОЙ АРМИИ

СЛАВА!

Рис. А. Ермолаева

№ 5—6

МАЙ—ИЮНЬ
1945

МУРЗИЛКА

Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов

ОБРАЩЕНИЕ ТОВАРИЩА И. В. СТАЛИНА К НАРОДУ

Товарищи! Соотечественники и соотечественницы!

Наступил великий день победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побеждённой и объявила безоговорочную капитуляцию.

7 мая был подписан в городе Реймсе предварительный протокол капитуляции. 8 мая представители немецкого главнокомандования в присутствии представителей Верховного Командования союзных войск и Верховного Главнокомандования советских войск подписали в Берлине окончательный акт капитуляции, исполнение которого началось с 24 часов 8 мая.

Зная волчью повадку немецких заправил, считающих договора и соглашения пустой бумажкой, мы не имеем основания верить им на слово. Однако сегодня с утра немецкие войска во исполнение акта капитуляции стали в массовом порядке складывать оружие и сдаваться в плен нашим войскам. Это уже не пустая бумажка. Это—действительная капитуляция вооружённых сил Германии. Правда, одна группа немецких войск в районе Чехословакии всё ещё уклоняется от капитуляции. Но я надеюсь, что Красной Армии удастся привести её в чувство.

Теперь мы можем с полным основанием заявить, что наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой победы нашего народа над германским империализмом.

Великие жертвы, принесённые нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимы лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряжённый труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь Отечества,—не прошли даром и увенчались полной победой над врагом. Вековая борьба славянских народов за своё существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией.

Отныне над Европой будет развеяться великое знамя свободы народов и мира между народами.

Три года назад Гитлер всенародно заявил, что в его задачи входит расчленение Советского Союза и отрыв от него Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других областей. Он прямо заявил: «Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться». Это было три года назад. Но сумасбродным идеям Гитлера не суждено было сбыться,—ход войны развеял их в прах. На деле получилось нечто прямо противоположное тому, о чём бредили гитлеровцы. Германия разбита наголову. Германские войска капитулируют. Советский Союз торжествует победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию.

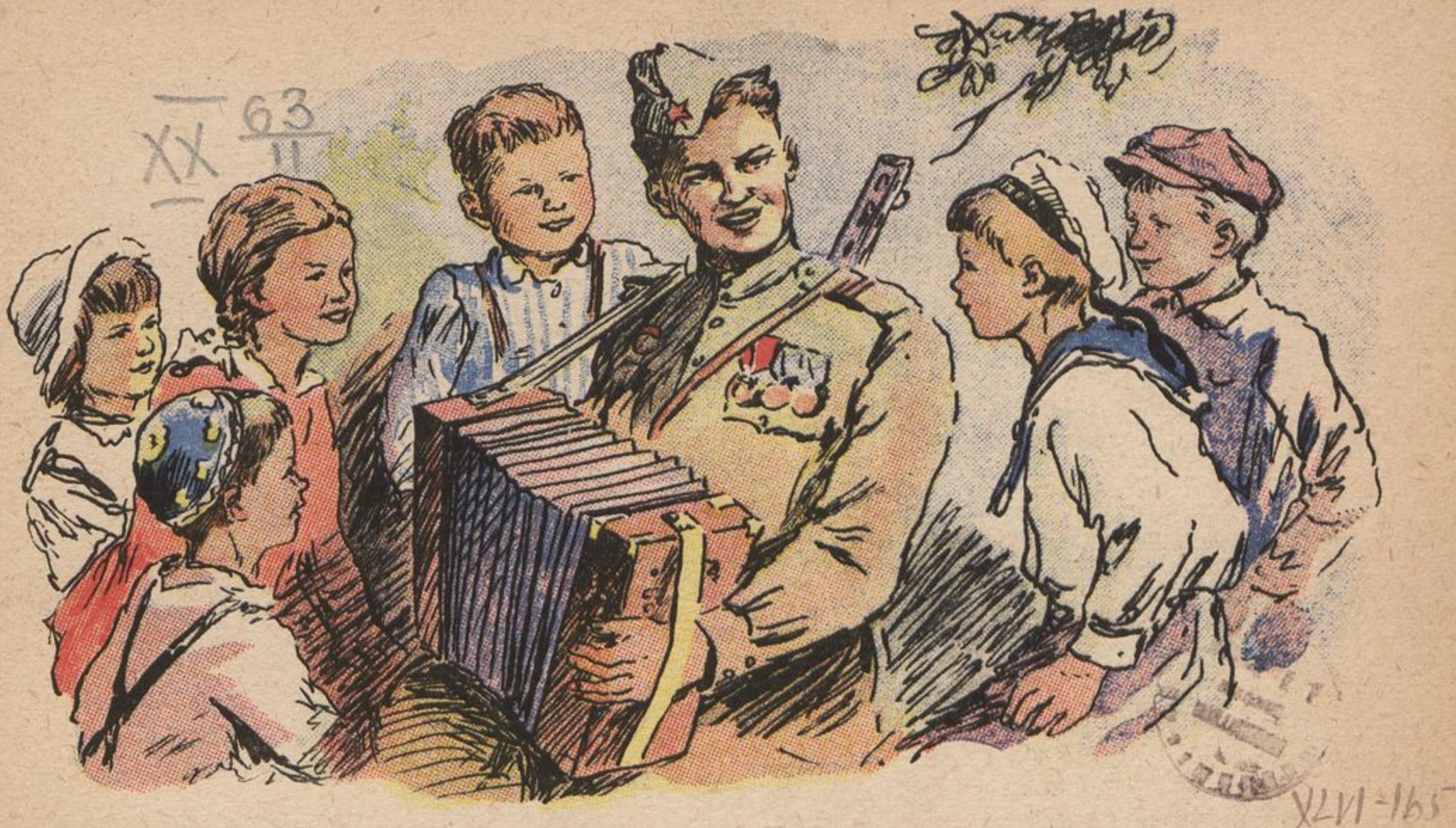
Товарищи! Великая Отечественная война завершилась нашей полной победой. Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития.

С победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы!

СЛАВА НАШЕЙ ГЕРОИЧЕСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ, ОТСТОЯВШЕЙ НЕЗАВИСИМОСТЬ НАШЕЙ РОДИНЫ И ЗАВОЕВАВШЕЙ ПОБЕДУ НАД ВРАГОМ!

СЛАВА НАШЕМУ ВЕЛИКОМУ НАРОДУ, НАРОДУ-ПОБИДИТЕЛЮ!

ВЕЧНАЯ СЛАВА ГЕРОЯМ, ПАВШИМ В БОЯХ С ВРАГОМ И ОТДАВШИМ СВОЮ ЖИЗНЬ ЗА СВОБОДУ И СЧАСТЬЕ НАШЕГО НАРОДА!

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

Рис. В. БАЮСКИНА

СТОРОНКА РОДНАЯ

(Солдатская песенка)

С неразлучным своим автоматом
Не в одной побывал я стране,
Но везде и повсюду, ребята,
Я скучал по родной стороне.

Припев.

Сторонка, сторонка родная,
Ты солдатскому сердцу мила.
Эх, дорога моя фронтовая,
Далеко ж ты меня завела!

Батальон наш стоял в Бухаресте.
Бухарест—неплохой городок!
Но, признаться вам, братцы, по чести,
Мне милее родимый Торжок.

Припев.

В Будапеште сражались мы долго,
Он на мутном Дунае лежит.
Как мне вспомнится матушка-Волга,
Так слеза на глаза набежит.

Припев.

Нас цветами встречала София,
Обнимали у каждых ворот.
Но Болгария всё ж не Россия,
Хоть и братский живёт в ней народ.

Припев.

Бил я немцев на улицах Вены,
В ней сады и дворцы хороши.
Только Вена, скажу откровенно,
Дорога не для русской души!

Припев.

День и ночь я на запад шагаю,
Сотни вёрст до Берлина прошёл,
Но милее родимого края
Я нигде ничего не нашёл.

Припев.

Дождались мы великой победы,
И теперь, с окончаньем войны,
Я уж как-нибудь, братцы, доеду
До советской родной стороны.

Припев.

Город Вена.

ЛАГЕРНАЯ ПИОНЕРСКАЯ

Стихи З. АЛЕКСАНДРОВОЙ

Рис. М. БУТРОВОЙ

Не в далёкие просторы,
Не в широкие моря,—
До свиданья, милый город!
Уезжаем в лагерь.

Отдохнём, ребята, снова.
Будем плавать, загорать
И на вырубках сосновых
Землянику собирать.

Кто силен, и смел, и ловок,
Тем в поход идти пора
Для таинственных ночёвок
У шипящего костра.

Жаль, что мы бойцов моложе
И не можем бить врага,
Но колхозу мы поможем
Поскорей убрать луга.

Много дел, простых и близких,
Будем родине служить,
Для коней кавалерийских
Надо сена посушить.

Наші кони боевые
Шли безустали вперед.
Пусть им травки полевые
Будут сладкие, как мёд.

Не в далёкие просторы,
Не в широкие моря,—
До свиданья, милый город!
Уезжаем в лагерь.

ЛЕНИНГРАДСКИМ ДЕТЯМ

Н. Чуковский

Промчатся над вами
Года за годами,
И станете вы старичками.

Теперь белобрысые вы,
Молодые,
А будете лысые вы
И седые.

И даже у маленькой Татки
Когда-нибудь будут внучатки,
И Татка наденет большие очки
И будет вязать своим внукам перчатки.

И даже двухлетнему Пете
Будет когда-нибудь семьдесят лет,
И все дети, все дети на свете
Будут называть его: «дед».

И до пояса будет тогда
Седая его борода.

Так вот: когда станете вы старичками,
С такими большими очками,
И, чтоб размять свои старые кости,
Пойдете куда-нибудь в гости
(Ну, скажем, возьмете внучонка Николку
И поведете на ёлку),

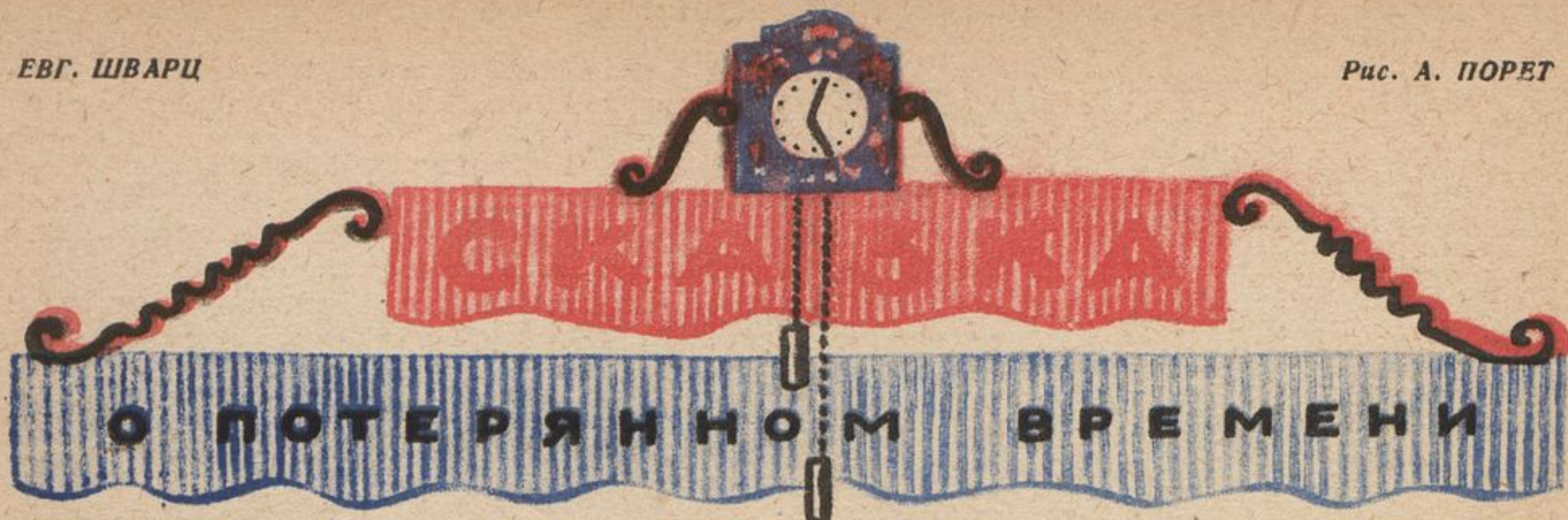
Или тогда же, в две тысячи двадцать четвёртом году,
На лавочку сядете в Летнем саду,
Или не в Летнем саду, а в каком-нибудь маленьком скверике,
В Новой Зеландии или в Америке,—
Всюду, куда б ни заехали вы,—всюду, везде одинаково,
Жители Праги, Гааги, Парижа, Чикаго и Кракова
На вас молчаливо укажут
И тихо, почтительно скажут:

«Он был в Ленинграде... во время осады...
В те годы... вы знаете... в годы блокады!»

И снимут пред вами шляпы.

Рис. М. Бутровой

Жил-был мальчик по имени Петя Зубов. Учился он в третьем классе четырнадцатой школы и всё время отставал и по русскому письменному, и по арифметике, и по пению даже.

— Успею! — говорил он в конце первой четверти. — Во второй я всех догоню!

А приходила вторая — он надеялся на третью.

Так он опаздывал да отставал, отставал да опаздывал — и не тужил: всё «успею» да «успею».

И вот однажды пришел Петя Зубов в школу, как всегда, с опозданием, вбежал в раздевалку, шлёпнул портфелем по загородке и крикнул:

— Тётя Наташа! Возьмите моё пальтишко!

А тётя Наташа спрашивает откуда-то из-за вешалок:

— Кто меня зовёт?

— Это я, Петя Зубов, — отвечает мальчик.

— А почему у тебя сегодня голос такой хриплый? — спрашивает тётя Наташа.

— А я и сам удивляюсь, — отвечает Петя. — Вдруг охрип ни с того, ни с сего.

Вышла тётя Наташа из-за вешалок, взглянула на Петю да как вскрикнет:

— Ой!

Петя Зубов тоже испугался и спрашивает:

— Тётя Наташа, что с вами?

— Да ничего... — отвечает тётя Наташа. — Вы говорили, что вы Петя Зубов, а вы на самом деле, должно быть, его дедушка.

— Какой же я дедушка? — спрашивает мальчик. — Я — Петя, ученик третьего класса.

— Да вы посмотрите в зеркало! — говорит тётя Наташа.

Взглянул мальчик в зеркало и чуть не упал. Увидел Петя Зубов, что превратился он в высокого, худого, бледного старика. Выросли

у него седые усы, седая окладистая борода. Морщины покрыли сеткою лицо.

Смотрел на себя Петя, смотрел, и затряслась его седая борода.

Крикнул он басом: «Мама!» и выбежал прочь из школы.

Бежит он и думает:

«Ну, уж если и мама меня не узнает, тогда всё пропало!»

Прибежал Петя домой и позвонил три раза. Мама открыла ему дверь.

Смотрит она на Петю и молчит. И Петя молчит тоже. Стоит, выставив свою седую бороду, и чуть не плачет.

— Вам кого, дедушка? — спросила мама наконец.

— Ты меня не узнаёшь? — прошептал Петя.

— Простите — нет! — ответила мама. Отвернулся бедный Петя и пошёл, куда глаза глядят.

Идёт он и думает:

«Какой я одинокий, несчастный старик! Ни мамы, ни детей, ни внуков, ни друзей. И главное — ничему я не успел научиться! Настоящие старики — те или доктора, или мастера, или академики, или учителя. А кому я нужен, когда я всего только ученик третьего класса? Мне даже

и пенсии не дадут — ведь я всего только три года работал. Да и как работал — на тройки да на двойки. Что же со мной будет? Бедный я старик! Несчастный я мальчик! Чем же всё это кончится?»

Так Петя думал и шаггал, шаггал и думал, и сам не заметил, как вышел за город и попал в лес. И шёл он по лесу, пока не стемнело.

«Хорошо бы отдохнуть», подумал Петя и вдруг увидел, что в стороне, за ёлками, белеет какой-то домик.

Вошёл Петя в домик — хозяев нет. Стоит посреди комнаты стол. Над

ним висит керосиновая лампа. Вокруг стола четыре табуретки. Ходики тикают на стене. А в углу горою навалено сено.

Лёг Петя в сено, зарылся в него поглубже, согрелся, поплакал тихонько, вытер слёзы бородой и уснул.

Просыпается Петя. В комнате светло, керосиновая лампа горит над столом. А вокруг стола

сидят ребята — два мальчика и две девочки. Большие, окованные медью счёты лежат перед ними. Ребята считают и бормочут:

— Двадцать лет, да ещё пятьдесят, да сто в уме, да ещё тридцать... Это вам, Сергей Владимирович. А это ваши, Ольга Капитоновна. А это вам, Марфа Власьевна. А это ваши, Пантелей Захарович.

«Что это за ребята?

Почему они такие хмурые? Почему кряхтят они, и охают, и вздыхают, как настоящие старики? Почему называют друг друга по имени и отчеству? Зачем собрались они ночью здесь, в одинокой лесной избушке?»

Замер Петя Зубов, не дышит, ловит каждое слово.

Страшно ему стало от того, что услышал он.

Не мальчики и девочки, а злые волшебники и злые волшебницы сидели за столом и щёлкали на счётах. Оказывается, так устроено на свете: человек, который понапрасну теряет время, сам не замечает, как стареет. И вот поймали волшебники Петю Зубова, и ещё одного мальчика, и ещё двух девочек и превратили их в стариков. Состарились бедные дети и сами этого не заметили. А время, потерянное ребятами, забрали волшебники себе. Стали волшебники малыми детьми, а ребята — старыми стариками. Сидят теперь волшебники, щёлкают на счётах, делят украденное время. Как быть? Неужели так и не вернуть Пете потерянной молодости?

Подсчитали волшебники время, хотели уже спрятать счёты в стол и уйти. Но Сергей Владимирович, главный из них, сказал:

— Господа волшебники! Будьте осторожны. Знайте: ребята, которых мы превратили сегодня в стариков, ещё могут молодеть!

— Как? — вскрикнули волшебники.

— Сейчас скажу, — ответил Сергей Владимирович.

Он вышел на цыпочках из домика, обошёл его кругом, вернулся, запер дверь на задвижку и поворошил палкой сено.

Петя Зубов замер, как мышка.

И злой волшебник не заметил мальчика. Подозвал он к себе остальных волшебников поближе и заговорил негромко:

— К сожалению, так устроено на свете: от любого несчастья может спастись человек. Если ребята, которых мы превратили в стариков, разыщут завтра друг друга, придут ровно в двенадцать часов ночи сюда, к нам, и повернут стрелку ходиков на семьдесят семь кругов обратно, то дети станут снова детьми, а мы погибнем.

Помолчали волшебники. Потом Ольга Капитоновна сказала:

— Откуда им всё это узнать?

А Пантелей Захарович проворчал:

— Не придут они сюда к двенадцати часам ночи. Хоть на минутку, да опоздают.

А Марфа Власьевна пробормотала:

— Да куда им! Да где им! Эти лентяи до семидесяти семи и сосчитать не сумеют: сразу собьются!

— Так-то оно так, — ответил Сергей Владимирович. — А всё-таки пока что держите ухо востро. Если доберутся ребята до ходиков, тронут стрелки, нам тогда и с места не сдвинуться. Ну, довольно болтать! Идём в город на охоту.

И волшебники, спрятав счёты в стол, побежали прочь из домика, как дети, но при этом кряхтели они, и охали, и вздыхали, как настоящие старики.

Дождлся Петя Зубов, пока не затихли в лесу шаги. Выбрался из домика и, не теряя напрасно времени, прятаясь за деревьями и кустами, побежал, помчался в город искать стариков-школьников.

Город ещё не проснулся. Темно было в окнах, пусто на улицах,

только милиционеры стояли на постах. Но вот забрезжил рассвет. Зазвенели первые трамваи. И увидел наконец Петя Зубов — идёт не спеша по улице старушка с большой корзиной.

Подбежал к ней Петя Зубов и спрашивает:

— Снажите, пожалуйста, бабушка: вы не школьница?

— Что, что? — спросила старушка сурово.

— Вы не третьеклассница? — прошептал Петя робко.

А старушка как застучит ногами да как замахнётся на Петю корзинкой! Еле Петя ноги унёс.

Отдышался он немного — дальше пошёл. А город уж совсем проснулся. Дворники поливают улицы. Летят трамваи. Спешат на работу люди. Грохочут грузовики: скорее, скорее надо сдать грузы в магазины, на заводы, на железную дорогу! Сколько раз видел всё это Петя Зубов и только теперь понял, почему так боятся люди не успеть, опоздать, отстать.

Оглядывается Петя, ищет стариков, но ни одного подходящего не находит. Бегут по улицам старики, но сразу видно — настоящие, не третьеклассники.

Вот старик с портфелем. Наверное, учитель. Вот старик с ведром и кистью — это, конечно, маляр. Вот мчится красная пожарная машина, а в машине старик — начальник пожарной охраны города. Этот, конечно, никогда в жизни не терял времени понапрасну.

Ходит Петя, бродит, а молодых стариков, старых детей нет как нет. Жизнь кругом так и кипит. Один он, Петя, отстал, опоздал, не успел, ни на что не годен, никому не нужен.

Ровно в полдень зашёл Петя в маленький скверик и сел на скамеечку отдохнуть.

И вдруг вскочил.

Увидел он — сидит недалеко, на другой скамеечке, старушка и плачет.

Хотел подбежать к ней Петя, но не посмел.

— Подожду! — сказал он сам себе. — Посмотрю, что она дальше будет делать.

А старушка перестала вдруг плакать, сидит, ногами болтает. Потом достала из одного кармана газету, а из другого — кусок ситного с изюмом. Развернула старушка газету. Петя ахнул от радости: «Пионерская правда!» И принялась старушка читать и есть. Изюм выковыривает, а ситный не трогает.

Кончила старушка читать, спрятала газету и ситный и вдруг что-то увидела в траве. На-

клонилась она и схватила мяч. Наверное, кто-нибудь из детей потерял его в сквере.

Оглядела старушка мячик со всех сторон, обтёрла его старательно платочком, встала, подошла не спеша к дереву и давай играть в трёшки!

Бросился к ней Петя через газон, через кусты. Бежит и кричит:

— Бабушка! Честное слово, вы школьница!

Старушка подпрыгнула от радости, схватила Петю за руки и отвечает:

— Верно, верно! Я ученица третьего класса, Маруся Поспелова. А вы кто такой?

Рассказал Петя Марусе, кто он такой. Взялись они за руки, побежали искать двух остальных товарищей. Искали час, другой, третий. Наконец зашли во второй двор огромного дома. И видят: за деревянным сараем прыгает старушка. Нарисовала мелом на асфальте классы и скачет на одной ножке, гоняет камешки.

Бросились Петя и Маруся к ней.

— Бабушка, вы школьница?

— Школьница, школьница! — отвечает старушка. — Ученица третьего класса, Наденька Соколова. Вы кто такие?

Рассказали ей Петя и Маруся, кто они такие. Взялись все трое за руки, побежали искать последнего своего товарища.

Но он как сквозь землю провалился. Куда только ни заходили старики — и во дворы, и в сады, и в детские театры, и в детские кино, и в дом занимательной науки, — пропал мальчик, да и только.

Зашли они в парк и увидели: бегают по газону старик в очках, ловит сачком бабочку. Ребята к нему:

— Дедушка, вы не школьник?

— Нет, я профессор! — ответил старик. — Мне надо узнать, что это за бабочка, как попала она сюда, в парк, ранней весной. До свидания!

И побежал профессор за бабочкой быстро, как третьеклассник.

Ну, что тут делать! Где же ты, четвёртый товарищ?..

А время идёт. Уже стало темнеть. Уже в нижних этажах домов зажётся свет. Кончается день. Что делать? Неужели все пропало?

Вдруг Маруся закричала:

— Смотрите! Смотрите!

Посмотрели Петя и Наденька, и вот что увидели: летит трамвай девятый

номер. А на «колбасе» висит старичок. Шапка лихо надвинута на ухо, борода развеивается по ветру. Едет старик и посвистывает. Товарищи его ищут, с ног сбились, а он катает себе по всему городу и в ус не дует!

Бросились ребята за трамваем вдогонку. На их счастье, зажётся на перекрёстке красный огонь: остановился трамвай.

Схватили ребята «колбасника» за полы, оторвали от «колбасы».

— Ты школьник? — спрашивают.

— А как же? — отвечает он. — Ученик второго класса. Зайцев Вася. А вам чего?

Рассказали ему ребята, кто они такие.

Чтобы не терять времени даром, сели они все четверо в трамвай и поехали за город к лесу.

Какие-то школьники ехали в этом же трамвае. Встали они, уступают нашим старикам место.

— Садитесь, пожалуйста, дедушки, бабушки!

Смутились старики, покраснели и отказались.

А школьники, как нарочно, попались вежливые, воспитанные, просят стариков, уговаривают:

— Да садитесь же! Вы за свою долгую жизнь наработались, устали. Садитесь теперь, отдохайте.

Тут, к счастью, подошёл трамвай к лесу. Соскочили наши старики — и в чашу бегом.

Но тут ждала их новая беда: заблудились они в лесу.

Наступила ночь тёмная-тёмная. Бродят старики по лесу, падают, спотыкаются, а дороги не находят.

— Ах, время, время! — говорит Петя. — Бежит оно, бежит. Я вчера не заметил дорогу обратно к домику — боялся время потерять.

А теперь вижу, что иногда лучше потратить немножко времени, чтобы потом его сберечь.

Совсем выбились из сил старики: Но, на их счастье, подул ветер, очистилось небо от туч, и засияла на небе полная луна.

Влез Петя Зубов на берёзу и увидел — вон он, домик, в двух шагах белеют его стены, светятся окна среди густых ёлок.

Спустился Петя вниз и шепнул товарищам: — Тише! Ни слова! За мной!

Поползли ребята к домику. Заглянули осторожно в окно.

Ходики показывают без пяти минут двенадцать. Волшебники лежат на сене, берегут украденное время.

— Они спят! — сказала Маруся.

— Тише! — прошептал Петя.

Тихо-тихо открыли ребята дверь и поползли к ходикам.

Без одной минуты двенадцать встали они у часов. Ровно в полночь протянул Петя руку к стрелкам и — раз, два, три! — закрутил их обратно, справа налево.

С криком вскочили волшебники, но не могли сдвинуться с места. Стоят и растут, растут. Вот превратились они во взрослых людей, вот седые волосы заблестели у них на висках, покрылись морщинами щёки...

— Подымите меня! — закричал Петя. — Я делаюсь маленьким, я не достаю до стрелок! Тридцать один,

тридцать два, тридцать три...

Подняли товарищи Петю на руки. На сороковом обороте стрелок волшебники стали дряхлыми, сгорбленными старичками. Всё ближе пригибало их к земле, всё ниже становились они. И вот на семьдесят седьмом, и последнем, обороте стрелок вскрикнули злые волшебники и пропали, как будто их и не было на свете.

Посмотрели ребята друг на друга и засмеялись от радости. Они снова стали детьми. С бою взяли, чудом вернули они потерянное напрасно время.

Они-то спаслись, но ты помни: человек, который напрасно теряет время, сам не замечает, как стареет.

НАТАЛЬЯ КОНЧАЛОВСКАЯ

Рис. В. КОНАШЕВИЧА

О ТОМ, КАК БЫЛ ПОСТРОЕН КАМЕННЫЙ КРЕМЛЬ

Сказке сказываться скоро,
Делу делаться не скоро.
Вот прошло сто тридцать лет,
Новый Кремль увидел свет.
На Москве в ту пору княжил
Внук Ивана Калиты —
Князь Димитрий стал на страже,
Стал, как луч из темноты.
Загудел, зашевелился
Под Москвой сосновый бор.

Снова в бор народ явился.
Застучал в бору топор.
На дороге близ Коломны
День-деньской народ снуёт,
Для Кремля с каменоломни
Возят камень целый год.
И былой стене на смену
Строит каменную стену,
Строит башни и мосты
Внук Ивана Калиты.

О ТОМ, КАК КНЯЗЬ ДМИТРИЙ СОБИРАЛ ВЕЛИКУЮ РАТЬ

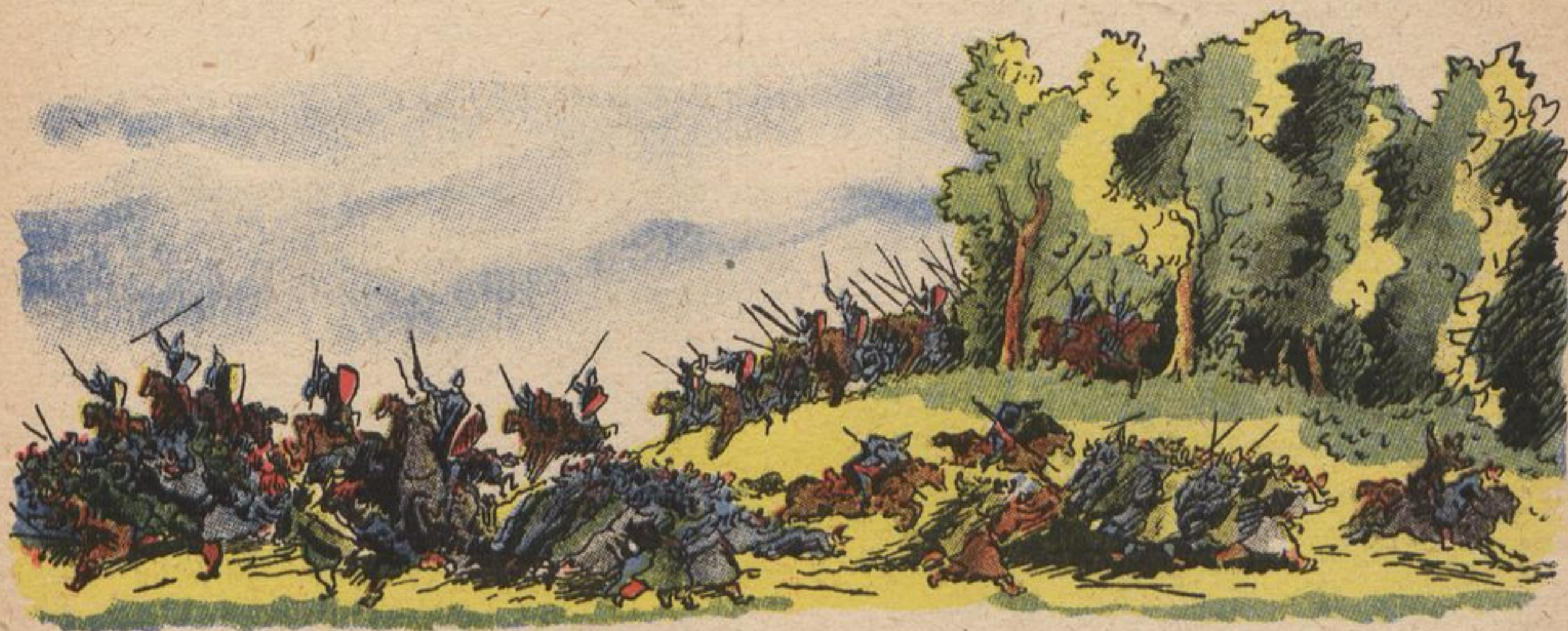
Кличет Дмитрий всю страну
На священную войну:
«Не довольно ль, братцы, даром
Отдавать добро татарам?
Сбросить иго не пора ли?
Сколько лет нас обирали!
Сколько сёл у нас сожгли!
Сколько в рабство увели!
Отстоим святую Русь,

Я вас в бой вести берусь!»
И откликнулись тогда
Все соседи-города.
И под городом Коломной
Все князья, до одного,
Ратью встретили огромной
Полководца своего.
Собралось в лесную глушь
Полтора ста тысяч душ.

О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ

За степями, за песками
Хан Мамай услышал весть:
Дмитрий-князь идёт с войсками,
И полков его не счесть.
Загудел татарский стан.
Рассердился грозный хан,
Гневом сердце запылало,
Дымом мозг ему застлало.
Приказал Мамай собрать
Чуть не в полмильёна рать.
С этой ратью двинул он
На широкий светлый Дон.
Словно сто голов дракона,
Растянулась возле Дона,
Разлеглась Мамай рать,
Стала русских поджидать.
Дмитрий-князь об эту пору
По степному по простору
Тоже к Дону подошёл,
Рать могучую привёл.
Ночью тихо в поле было,
Лишь свистели кулики...
Утром солнце осветило —
На семь вёрст вокруг полки.
«Ой, дружинники, вы, братцы!
Время вышло, час настал!
Не на жизнь, а на смерть драться
Князь московский приказал».

И сошлись на поле чистом
В схватке первые полки,
Стрелы реяли со свистом,
Искры сыпали клинки.
Полилася кровь рекою,
Пот ручьями полился,
Кто мечом, а кто рукою
В горло недруга впился.
На смерть бьются княжьи дети,
В бой идёт за ратью рать.
Бьются час, другой и третий...
Стали русские сдавать.
Нет у русских перевеса,
Верх Мамай берёт в бою.
Вдруг выводит из-за леса
Дмитрий конницу свою.
Шесть часов победы ради
Он держал её в засаде
И в последний грозный час
Честь и славу русских спас.
В той последней жаркой схватке
Дождался Мамай беды,
Засверкали только пятки
У Мамаевой орды.
Слава поля Куликова,
Слава битвы на Дону,
Слава Дмитрия Донского
Облетела всю страну.

НИКОЛАЙ ЧУКОВСКИЙ

Рис. М. БУТРОВОЙ

МОРСКОЙ ОХОТНИК¹

СКВОЗЬ ВЕТЕР

В полной тьме Катя бежала по улицам города, всё вниз и вниз, к молу. Плотный стремительный ветер дул ей в лицо.

Опять, как каждую ночь, там, где был фронт, встало бурое зарево. Ветер так шумел, что привычный грохот фронта не был слышен, но внезапные вспышки — отсветы далёких артиллерийских выстрелов — время от времени на мгновение озаряли низкие, быстро бегущие тучи и верхушки тополей, гнущиеся в ветре. При одной из таких вспышек Катя увидела перед собой мол — длинный, белый, окружённый чёрной водой. Она пыталась разглядеть и катер, но не успела, — всё сразу погасло.

Она выскочила на мол. Здесь ветер дул ещё сильнее и старался сбросить её в воду. Босыми ногами она чувствовала, как мокры и холодны каменные плиты. Тьма, окружавшая её, двигалась, бурлила; в этой бурлящей тьме волны с плеском разбивались о мол, и тяжёлые брызги летели ей в лицо.

Борясь с ветром и брызгами, она шла вдоль того края мола, где стоял катер. Она шла так долго, что стала уже бояться, не прошла ли мимо. Но вспомнила, что катер стоял возле двух деревянных тумб, а на тумбу она наткнулась бы непременно. И чуть об этом подумала, как стукнулась коленом о тумбу.

Она остановилась, стараясь разглядеть катер. Но в этой плотной тьме ничего разглядеть было

нельзя. Она подошла к самому краю, вглядываясь и вслушиваясь. Вдруг по какому-нибудь скрипу, шороху она уловит близость катера? Но ничего не было слышно, кроме воя ветра и плеска воды.

Потом далёкая артиллерийская вспышка озарила небо и волны. Она снова увидела весь мол, окружённый белой пеной.

Катера возле мола не было. В первую минуту она подумала, что всё кончено.

Катер ушёл и, как сказал Макар Макарыч, наверно, уже больше сюда не вернётся. И никто никогда не поможет папе девочки с мишкой, который каким-то таинственным образом попал в её пещеру, и сидит там, окружённый немцами, и ждёт помощи.

Печально смотрела она в тьму, нависшую над морем. Там, вдалеке, всё ещё сиял крохотный огонёк... Нет, так этого оставить нельзя! Надо что-то сделать. Надо догнать катер.

Она знала, куда ушёл катер: он дежурит в море, возле Песчаной косы. Надо догнать его, пока он не ушёл ещё дальше, пока огонь горит.

Она не раз бывала на Песчаной косе, но, конечно, днём, а не ночью. Как добраться туда в такой тьме? И вдруг она вспомнила, что скоро взойдёт луна. Полнолуние кончилось уже несколько суток назад, но лунный серп ещё появлялся по ночам.

До сих пор она ходила на Песчаную косу по берегу. Это был длинный, извилистый путь, очень приятный в хорошую погоду. Слева вздымались высокие чёрные скалы, к которым лепи-

¹ Начало см. в №№ 1, 2—3, 4,

лись птички гнёзда, справа плескалось море, и идти нужно было между скалами и морем по мокрой гальке, смешанной с мелкими ракушками. Но сейчас, в такой ветер, пройти по берегу невозможно: волны бьют прямо в скалы. Остался только один путь — через город, а там, дальше, — по дороге через виноградники. И Катя решила пойти этим путём.

В полной тьме прошла она сквозь весь город, не встретив ни одного человека. Она знала в городе каждый забор и каждый камень и всё же несколько раз натыкалась на столбы и падала в канавы. Ветер сбивал её с ног. Казалось, вот-вот он перевернёт её и поволочит через все пустыри, сады, улицы, прямо в горы. Задыхаясь, она боролась с ветром за каждый шаг.

Едва она вышла за город, как взошла луна. Катя узнала об этом по неправдоподобному красному сиянию, озарившему край горизонта над морем. Через минуту огромный и красный огрызок луны повис над морем, и стало видно, с какой неистовой быстротой мчатся тучи. Луна сейчас же исчезла, но багровое пятно на тучах осталось, и уже не было так темно, как раньше.

Катя пошла вниз по дороге через виноградники, но дорога поминутно раздваивалась, и ей приходилось выбирать путь наугад. Неожиданно наткнулась она на часового с автоматом. Он что-то закричал ей издали. Она не расслышала его слов, но поняла, что здесь идти нельзя, и остановилась. Тут, в виноградниках, было, видимо, скрыто что-то военное, — батарея или наблюдательный пункт. Она стояла, не зная, что ей делать дальше, но часовой вдруг замахал руками и стал знаками объяснять ей, чтобы она шла левой.

И она пошла влево, без дороги, прямо через виноградники.

Ноги её утопали в рыхлой земле, вьющиеся стебли винограда хватили её со всех сторон, как пальцы. Здесь, за широкими виноградными листьями, она не видела даже моря и шла совсем наугад. Ей казалось, что она идёт уже целую вечность и давно прошла мимо Песчаной косы. Но вдруг рыхлая земля выскользнула у неё из-под ног; она полетела вниз, вниз, напрасно цепляясь за листья, и с размаху упала в песок. Поднявшись, она долго стояла спиной к ветру, прежде чем ей удалось открыть глаза, засыпанные песком. Наконец осторожно огляделась. Она была на Песчаной косе.

Узкая эта коса была похожа на светлую дорогу, проложенную в морскую даль между огромных волн. Волны вздымались вокруг, как горы, и непрерывно шли на неё, ряд за рядом. Перед самой косою они вдруг обрушивались с грохотом взрыва и рассыпались клокочущей пеной, ослепительно белой.

Идя всё дальше и дальше по глубокому песку, Катя напряжённо вглядывалась в море, надеясь увидеть катер. Но видела только стада волн, поднимающих свои горбатые спины. Свет луны, пробивающийся сквозь тучи, был обманчив. Иногда ей казалось, что она видит что-то,

похожее на судно; но через мгновение она понимала, что ошиблась, что это тоже волна, только поднявшаяся выше остальных.

Внезапно ветер разорвал тучи, и луна выскочила в разрыв. Пена волн сверкнула ещё ярче, и море озарилось далеко-далеко. Катя совершенно ясно увидела катер.

До него было полкилометра, не больше. Он то взлетал на вершущку волны, то вдруг проваливался в пропасть между волнами и почти весь исчезал, — только две его радиомачты торчали. Кате становилось страшно: а вдруг он уж больше не вынырнет? Но миг — и вот он опять на вершине, и лунный свет отражается в стёклах всех его круглых окошечек.

Он был так близко, что в тихую погоду она просто крикнула бы, позвала бы. Но сейчас она сама не расслышала бы своего голоса. Он был близок и в то же время так же недостижим, как если бы он находился на другом конце моря.

Ей стало казаться, что расстояние между берегом и катером увеличивается. А вдруг он совсем уйдёт? В отчаянии она замахала катеру руками.

Впрочем, она отлично понимала, что с катера её не заметят. А если бы даже заметили, обратили бы на неё внимание? Конечно, нет. Но она бежала и махала, пока не увидела прямо перед собой маленький белый ялик.

В ЯЛИКЕ

Ялик стоял на песке, чистенький, беленький, и каждая волна, обрушивавшаяся на берег, длинным своим языком почти доползала до его кормы. Катя подошла и заглянула в ялик: две скамейки, два весла, две уключины. Она ещё ничего не решила, но просто так, на всякий случай, попробовала, может ли она его сдвинуть с места. Она надавила на него плечом, и он сдвинулся. Следующая волна уже лизнула его в корму. Катя опять надавила, и он пошёл ещё легче под уклон. Снова набежала волна, плеснула Катю по ногам, и ялик всплыл.

Катя ухватила его за нос и потащила к берегу. Но волна, отступая, волокла его за собой в море. Катя упиралась ногами, но волна вымывала песок из-под её ног, и ялик тащил её за собой. Когда волна дошла до подола её платья, она вскочила в ялик.

Едва она очутилась в ялике, как увидела, что берег стремительно уплывает от неё. Её тащило в море, и при этом так толкало, швыряло, подбрасывало, что она упала на скамейку.

И тут на убегающем, уплывающем берегу Катя заметила человека.

Человек этот со всех ног бежал по берегу прямо к ней. Это был моряк, — ленты его бескозырки прыгали на ветру. Добежав до воды, он остановился. Расстояние между ним и Катей всё увеличивалось.

Но тут новая волна налетела на ялик и подняла его высоко на свой гребень. И берег стал приближаться к Кате с такой же стремительностью, с какой прежде он удалялся. Подхва-

ченный волною, ялик с Катей нёсся прямо к берегу, к стоявшему там моряку.

Моряк, очевидно, надеялся, что волна вынесет ялик на берег. Но до берега оставалось ещё несколько метров, когда волна вдруг замерла и, сначала медленно, потом всё быстрее и быстрее, потянула ялик назад в море.

Тогда моряк кинулся в воду. Весь в брызгах и в пене, он гнался за яликом и догнал его, когда вода доходила ему уже до плеч. Он ухватился за нос и влез в ялик.

Он сел на скамейку как раз против Кати и стал вставлять вёсла в уключины. И Катя узнала его: это был Макар Макарыч.

Корольков послал Макара Макарыча в ялике на берег известить командира береговой батареи, что катер прибыл к Песчаной косе. Он мог известить его по радио, но не сделал этого из осторожности: теперь ему стало казаться, что немцы, быть может, перехватывают его радиogramмы. Чем иначе объяснить неуловимость этой подводной лодки?

Когда Макар Макарыч, исполнив приказание, вышел на берег и увидел, что ялик его уносит волнами, он не сразу заметил Катю, потому что она лежала на скамейке. Он подумал, что ялик просто смыло волной, и несколько удивился этому, так как хорошо помнил, что

вытащил его далеко на песок. И только прыгая в воду, он заметил, что на него из ялика глядят два глаза.

Взобравшись в ялик и узнав ту девочку, которая сегодня приходила на мол, он чуть не выронил вёсла.

— Ты зачем? — закричал он ей сквозь ветер. — Ты куда?

Ялик взлетел на гребень волны, потом нос его рухнул в пропасть, и Макар Макарыч оказался далеко внизу, под Катей.

— Я к Королькову! — крикнула она ему.

— Держись! — закричал Макар Макарыч, потому что нос ялика полез вверх, и Катя не вывалилась только потому, что обхватила обеими руками скамейку.

«Неужто она не боится?» думал он. Он понимал, что надо вернуться на берег и высадить её. Но пока он удивлялся, колебался, их так далеко отнесло, что низкий берег Песчаной косы почти исчез из виду.

— Зачем тебе Корольков? — крикнул Макар Макарыч, наклонив своё мокрое лицо к самому Катиному уху.

— Я знаю, где Манин папа!.. Он на том берегу... в пещере... где горит огонь!

Макар Макарыч колебался. Потом вдруг решительно кивнул головой.

Рис. В. ТАМБИ

ТАНКИ

Деревянная башня медленно подползает к крепостной стене. Её толкают люди. Воины на верхней площадке башни стреляют из арбалетов и мушкетенов, готовят мост, чтобы перекинуть его на стенные зубцы... Это «турус на колёсах» — прапрадед танка: Так наши предки штурмовали вражеские твердыни.

Смешные черепашки? А ведь такие бронированные автомобили инженеры лет пятьдесят назад собирались строить. Видите: у них — колёса, а не гусеницы; паровые машины, а не моторы: вон дым валит из труб. Автомобили эти так и не бывали в бою, а то они пришлись бы танку дедушками.

— Держись крепче! — крикнул он Кате и налёг на вёсла.

То взлетая ввысь, то сваливаясь в пропасть, ялик шёл прямо к катеру.

А ОГОНЬ ВСЁ ГОРИТ

В крохотной каюте, озарённой яркой электрической лампочкой, сидел акустик Иванов. Узкое лицо его было сжато наушниками. Он вслушивался в звуки, доносившиеся из морской глубины: не пройдёт ли мимо Песчаной косы подводная лодка.

Вдруг глаза его блеснули.

Корольков, стоявший в дверях каюты, сразу подметил этот блеск.

— Что вы слышите? — спросил он.

Иванов из-за наушников не расслышал голоса Королькова, но догадался, о чём он спрашивает.

— Плеск вёсел, — ответил Иванов. — Макар Макарыч возвращается.

— А... — сказал Корольков разочарованно. — Можете больше наушников не надевать.

— Как же так, товарищ лейтенант? А вдруг..

— Никакого «вдруг» не будет.

— Но почему же, товарищ лейтенант?

— Потому что она никогда не проходит мимо Песчаной косы.

— Но как же она выходит в открытое море?
— Она никогда не выходит в открытое море. Она прячется где-то возле города.

Они долго молча смотрели друг на друга.

Катер сильно качало. Они то поднимались, то опускались.

— Этого не может быть, — проговорил Иванов наконец. — Ей негде спрятаться.

— А разве может быть, что она проходит мимо Песчаной косы и мы её не слышим?

— Нет, этого тоже не может быть.

Они опять замолчали. И молчали ещё дольше.

— А огонь всё горит? — спросил вдруг Иванов.

Корольков сразу понял, про какой огонь он спрашивает.

— Горит.

— Когда огонь горит... — сказал Иванов.

— Она в бухте, — сказал Корольков.

Их поднимало и опускало: вверх — вниз, вверх — вниз...

— О чём вы думаете, Иванов?

— О том же самом, о чём и вы, товарищ лейтенант.

— Я думаю, что хорошо бы повидать ту девочку, которая нам передала эти слова.

(Продолжение следует)

Подписи Л. УСПЕНСКОГО

ТАНКИ

Вот это уже настоящий танк — первый танк, воевавший с немцами в 1916 году. Такие танки двигались не быстрее пешехода — пять километров в час. Пушек на них ещё не было, одни пулемёты. И всё-таки удивительная новинка навела такой ужас на немцев, что англичане легко прорвали их фронт.

А это — наш советский танк. Как буря, мчался он на фашистов. Он стрелял из пушки и пулемётов, давил врага тяжёлыми гусеницами. И под напором тысяч танков всё дальше и дальше бежали немцы. И вот Красная Армия уже в Берлине. Слава героической Красной Армии! Слава великому народу-победителю!

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА

РЕДАКТОР — ВИТ. БИАНКИ

ИЗДАТЕЛЬ — «МУРЗИЛКА»

№ 5 — 6 май — июнь

Содержание: Враг побеждён. — Спалённая берёза. — Скелет вражеского истребителя. — Расстрелянный клён. — Соловей и миномёты. — Караси в воронке. — Подводные инвалиды. — Письмо Виталия Большакова. — Объявление от Треста строительства птичьих домишек.

Враг побеждён

Враг побеждён. На нашей земле не будут больше греметь орудия, разрушать города, губить леса, зверей, птиц. Жизнь продолжается.

Редакция «Лесной газеты» послала своего корреспондента на места, где были сражения, — учесть, какие сделаны разрушения, и посмотреть, как чувствуют сейчас себя лесные жители.

Вот что сообщил наш лескор.

Спалённая берёза

Враг спалил молодую красивую берёзу прошлой зимой. Разложил под ней костёр и выжег в стволе огромное дупло.

Но пришла победная весна, и берёза ожила. На её ветвях опять зазеленели листья.

Скелет вражеского истребителя

Сбитый нашими лётчиками вражеский истребитель упал в лес на поляну. И сгорел.

На что бы, казалось, эта вредная, злая машина, когда от неё остался один скелет?

Но не прошло и месяца, как его оплели цепкие травы, рас-

цвели на нём розовые цветочки вьюнков. И тогда свила на нём гнездо птичка-мухоловочка. Сейчас у неё птенцы, и они находят, что их мать удачно выбрала место для жилья.

Расстрелянный клён

Вражеская артиллерия была по нашей деревне. И расстреляла растущий у околицы клён. Осколки снарядов в нескольких местах пробили его старый толстый ствол, сломали вершину, осекли ветки.

Всё равно к лету расстрелянный клён воскрес! Правда, за неимением веток ему пришлось выгнать новенькие листья прямо из ствола — букетами. Но пока и так хорошо.

А через несколько лет он вырастит и новые ветки.

Соловей и миномёты

Враг обстреливал из миномётов переправу через речку. По берегу речки росли ракиты; в них жил соловей.

На рассвете, когда вражеские мины начинали разрываться в речке и на берегу, соловей замолкал. Вечером, в

Рисунки А. Комарова

сумерки, когда враг переставал палить, упрямый соловей опять начинал петь.

День за днём вражеские мины летели на берег и рвали ракиты. В конце концов здесь остался только один ракитовый куст, и враг прекратил огонь.

Настал вечер. И соловей запел в единственном уцелевшем кусте.

Караси в воронке

Тяжёлый снаряд вражеской пушки сделал в нашей земле огромную яму—воронку. В яму набежала вода. Получился маленький пруд.

Весной сюда прилетели дикие утки. По дороге они опускались в болота и озёра, на их лапки налипала тина, налипали растеньица; в тине были рыбки икринки. Утки обмыли лапки в пруду, — оставили в нем тину, растеньица, икринки. И улетели.

И теперь в воронке от снаряда растут разные травки и вывелись маленькие караси.

Подводные инвалиды

Враг метил с самолёта в дома, да промахнулся и попал в озеро. Бомба разорвалась под водой, побила и оглушила много рыбы, раков и других подводных жителей. Ещё в озере водились тритоны; они вроде

лягушек, только у них длинный хвост, как у ящерицы.

Осколки бомбы покалечили тритонов: кому лапку оторвали, кому хвост.

Но тритоны живучи. Они умеют даже отращивать себе новые части тела взамен оторванных в бою или драке. Вот они и поторопились скорее починить себя.

Но получилась у них путаница: у одного тритошки вместо оторванной лапки вырос почему-то хвост. У другого вместо хвоста выросла лапка. Ну и что же такого? Тритошки всё равно довольны: первый —

тем, что у него два хвоста, а второй—тем, что у него целых пять лапок.

ДОРОГОЙ РЕДАКТОР «ЛЕСНОЙ ГАЗЕТЫ»!

Я в журнале «Мурзилка» прочитал объявление, что из Заполярья исчезла полярная сова. Она у меня живёт уже второй месяц. У неё было подстрелено крыло, теперь зажило. Зову я её Филька. Филька к весне стал злее, шипит, клюётся, взлетает к окнам. Мы к нему привыкли так, что не можем расстаться. И хочется сову научить говорить, но ещё не подобрал слово. Свою кличку Филька знает хорошо. Кормим его мясом, поим молоком и чаем с хлебом. У Фильки очень красивые глаза. Ночью Филька во-сю гуляет, днём спит. Он белый, а на конце пёрышки коричневые. Что мне дальше делать с Филькой, ближе к весне? Нам его очень жаль отпускать.

Большаков Виталий

Кировская область, Боркинская НСШ Санчурского района

ДОРОГОЙ ВИТЯ!

Сова у тебя на лето всё равно улетит к себе на родину. Ты её не удержишь. Но не горюй: осенью, скорее всего, она снова пожалует к тебе в гости.

Редакция.

Ребята! Стройте такие домишки и в июне, и в июле — жильцы всегда найдутся.

Для скворцов и синиц строите домики из серых досок толщиной в 3 сантиметра. На избушках и домиках можно нарисовать окна и двери. Птиц они не испугают. Трубы делайте из простых чурок. На трубы и куры ножки из

дощечек и сучьев крылатым жильцам очень удобно подсаживаться, как на ветки.

Серые мухоловки устраивают гнезда в полудуплах, в выемках древесных стволов, на домах за оконницей. Для них можно поставить простые ящички с открытой передней стенкой. Весёлые квартиранты не заставят себя ждать.

Трест строительства птичьих домишек.

ПОЖАЛУЙТЕ К ДОСКЕ!

ОТВЕТ НА ЗАДАЧУ «КТО БОЛЬШЕ?»

(«МУРЗИЛКА» № 12 1944 года)

С этой задачей получилась целая история. Не успели мы её напечатать, как в редакцию «Мурзилка» стали приходить письма. Письма шли из Алма-Аты, из Минска, из Мурманска, из далёкого Владивостока, из Хорога, откуда уже видна Индия, с Чукотки, откуда рукой подать до Америки. Везде ребята придумывали слова из тех восьми букв, которые мы им подарили, и все эти слова дарили обратно нам.

Пять месяцев продолжался этот письмопад...

Знаете, сколько писем пришло? Три тысячи сто восемнадцать!

Однако вот что обнаружилось. Если принять в расчёт все правила игры, то почти все письма придётся отбросить. Одни ребята брали не только имена существительные, а всё, что под руку попало: глаголы, прилагательные. Другие по нескольку раз повторяли одну и ту же букву. Им подарили только одно «а», а они присылают слово «акула»! Откуда же второе «а» взялось?

Когда мы отобрали все письма, в которых задача решена правильно, их оказалось тоже немало: двести шестьдесят семь! Но и они были разные.

Восемнадцать ребят написали больше сорока пяти слов и правильно угадали, какое слово получается из всех букв сразу. Это слово «Мурзилка». У этих ребят нет никаких глаголов, одни существительные. У них ни одной буквы лишней — всё в полном порядке.

Вот имена и фамилии этих читателей:

Карпина Мила (Ташкент), Казаков Миша (Барнаул), Пустынцев Боря (Владивосток), Моисеев Игорь (Казань), Карпов Владимир (Акмолинск). Потапова Тома (Ташкент), Попова Валя, Опель Таня (Ново-Орск), Добыш Вадим (Зерноград), Полякова Галя (Ташкент), Сазонов Саша (Энгельс), Захарова Диана (Выкса), Коноплева Марианна (Андижан), Гурков Игорь (Молотов), Тимофеева Клара (Ейск), Костюк Инесса (Киев), Смолин Володя (Сталинград), Лекарев Эрик (Свердловск).

Мы им посылаем на память книжки: «Коза-дереза» и «Раскрась».

А воспитанникам Лядовского интерната Молотовской области, приславшим правильное решение задачи, редакция «Мурзилки» высылает библиотечку из 16 книг, по числу воспитанников, приславших ответ на задачу. Воспитанникам 4-го класса детского дома в селе Ключёвка, правильно решившим задачу, редакция высылает библиотечку из 10 книжек.

Сорок девять ребят написали больше 25 слов, но у одних попались неправильные слова, другие не нашли восьмибуквенного слова. Мы высылаем им по одной книжечке «Раскрась».

ВОРОТНИЧОК

— Смогу ль у вас я, мой дружок,
Купить себе воротничок?

— О, сколько будет вам угодно!
Сейчас найду я самый модный.

Вот воротник... но ваша шея
Растёт длиннее и длиннее?!

Год издания двадцать второй

Цена 2 руб.

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Редколлегия: С. М. АЛЯНСКИЙ, А. П. БАВУШКИНА (отв. редактор), В. В. ВИАКИ, Ю. А. ВАСНЕЦОВ, В. В. ЛЕВЕДЕВ, С. В. МИХАЛКОВ, А. К. ПОКРОВСКАЯ, К. А. ФЕДИН, И. И. ХАЛТУРИН, К. И. ЧУКОВСКИЙ, Е. Л. ШВАРЦ. Техред. З. ТЫШКЕВИЧ.
Адрес редакции: Москва, Новая площадь, 6. Тел. К-0-48-23. Подписано к печати 13/VI 1945 г. А18300. Объем 2,5 печ. л. 2,8 уч.-изд. л. 32 000 экз. в печ. л. Тираж 100 000 экз. Заказ 903

3-я типография «Красный пролетарий» «Полиграфкинг» Огиза при СНК РСФСР. Москва, Краснопролетарская, 16.

НА ПРАЗДНИКЕ ПОБЕДЫ

